

*Антон Циммерлинг****Между синхронией и диахронией: просодические противопоставления в скандинавских языках***

Споры вокруг просодической реконструкции отчасти напоминают давнюю дискуссию о возможности фонологизации аллофонов в результате изменения окружения – ср. [Jakobson 1962, 208; Зиндер 1979, 241-243; Стеблин-Каменский 1960, 415; Либерман 1982, 228, 249-250]. Часть ученых верит в то, что акцентные различия могут возникнуть в языке под влиянием таких факторов как изменение характера ударения, редукция, синкопа, сдвиги в морфемной структуре слова и т.п. Другая часть подобные объяснения отвергает, исходя из презумпции, что распределение слов по просодическим классам можно обосновать лишь этимологически – либо непосредственно как фрагмент праязыковой акцентуации, либо как результат её ломки. При этом реальность изменений отрицается в той мере, в которой утверждается историческая преемственность акцентных оппозиций и возможность предсказать их фонетическую базу на основе той или иной типологической схемы.

История скандинавских языков даёт повод для обоих подходов. С одной стороны, многообразие просодических систем в скандинавском ареале, использующих как динамические, так и мелодические признаки (морные и словесные акценты, толчок, контурные тоны), при акцентной “бедности” западногерманских языков, подталкивает к мысли, что праскандинавский был архаическим языком, сохранившим реликты общегерманского или даже индоевропейского состояния [Ср. Коск 1901; Кацнельсон 1966]. С другой стороны, окончательный распад скандинавской общности датируют достаточно поздней эпохой – XIV-XV вв. [Naugen 1984, 308-311], поэтому становление акцентных различий логично связать с изменениями звукового и грамматического строя в период распада праязыка. В этой связи одной из главных проблем скандинавской акцентологии остается ответ на вопрос, когда, и в силу каких причин дивергентное развитие породило разные системы.

Обе установки в той или иной мере стимулировали развитие скандинавской акцентологии. Выбор гипотезы во многом зависит от темперамента исследователя, а также от задач, которые он ставит: системная реконструкция, диалектология, поиск диахронических универсалий, исчисление фонетических типов и т.д. Целью настоящей статьи является анализ допущений, которые сближают “инновационную” гипотезу с “этимологической”. Мы намерены показать, что часть используемых аргументов основана на проекции специфических черт просодики современных скандинавских языков в прошлое и на непроверенной концепции скандинавского праязыка. С этой целью мы выборочно рассмотрим механизмы просодических противопоставлений в современных диалектах и данные древнейших акцентуированных текстов.

Акцентной эволюции скандинавских языков посвящена обширная литература, ср. обзор в: [Skautrup I 1968, 238 - 244; Kroman 1947, 131-173; Liberman 1982, 190-285]. Существующие работы можно оценивать с разных позиций. Их ценность не в последнюю очередь определяется тем, какие новые теоретиче-

ские идеи выдвигали их авторы. Так, при попытках реконструкции суперсегментной просодики был достигнут существенный прогресс в понимании просодики сегментной. К важнейшим результатам в этой сфере следует отнести: 1) факт счета мор, обнаруженный в ряде скандинавских диалектов Б. Хессельманом [Хессельман 1952, 247] и интерпретированный Е. Куриловичем и Н.С. Трубецким [Трубецкой, 1960, 213, ср. 242-246]; 2) предложенную в монографии С.Д. Кацнельсона [1966] модель изохронического соотношения длительности гласного и согласного $V:C = VC$: в языках типа шведского как просодического противопоставления по месту количественного пика в ударном слоге; 3) представление о корреляции контакта (слогового примыкания) как о разновидности внутреннего сандхи, также восходящее к идеям Н.С. Трубецкого [1960, 243], ср. [Lieberman 1982, 61-65]; 4) открытие в германском ареале (часть датских и рейнско-франкских) силлабофонемных диалектов, где минимальной единицей сегментации является не фонема, а слог [Кузьменко 1991, 118-133]. Как убедительно показал Ю.К. Кузьменко, все четыре типа просодических корреляций реально засвидетельствованы в современных говорах, причем есть основания полагать, что некоторые скандинавские диалекты последовательно прошли все стадии [ibid., 233-234].

Наибольшее внимание исследователей привлекали диалекты, где в двухсложных словах различаются контурные акценты двух типов – т.н. Акцент 1 или “акут” и т.н. Акцент 2 или “гравис”¹. Поскольку такие системы представлены в большинстве континентальных диалектов и закреплены в шведской и норвежской литературных нормах, в скандинавской лингвистике существует сильная тенденция, во-первых, трактовать все засвидетельствованные в Скандинавии просодии как противопоставления словесных акцентов (akcent, tonelag) [ср. G. Diding 1978], а во-вторых, приписывать им бинарную природу [Haugen 1984, 354; Toip 1982, 32]. Примечательно, что тот же шаблон проникает и в описание систем с толчком (strid) [Jensen 1944, 29-31; Kroman 1947, 54-62; Ejskjær 1954, 20-24; Nielsen, Pedersen 1990, 25; Николаев 1993, 76], хотя датский толчок может размещаться как на гласном, так и на согласном, ср. дат. /fi' n / fin adj. “изящный”, /fen' / finder pres. “находит”, при этом функции толчка на гласном или на согласном трудно сопоставлять, не выяснив предварительно, является ли толчок признаком слога или комплекса слогов.

Если применительно к датской литературной норме и говорам зеландского типа аналогия с словесными акцентами шведско-норвежского типа отчасти оправдана тем, что противопоставление толчок ~ нетолчок имеет наибольшую функциональную нагрузку в двухсложных словах, то для апокопирующих говоров Ютландии разбиение односложных словоформ на два акцентных класса выглядит спорным; в большинстве данных диалектов вообще нет супрасегментных различий, отвлеченных от слогового базиса, причем разные типы слога допускают разный набор просодий: помимо разновидностей толчка, это удли-

¹ Предлагаемое А.С. Либерманом [Lieberman 1982, 65] функциональное определение шведско-норвежских акцентов как контурных просодий, выступающих в роли средства счета слогов – неопровержимо, но по сути тавтологично. Фонетическое описание скандинавских акцентов обычно строится на двух допущениях: 1) Шведский и норвежский языки причисляют к тональным, но сферой действия акцентов признают не корневой слог, а двух- или многосложную словоформу в целом; 2) шведско-норвежские акценты создаются комбинацией высоты тона и интенсивности, причем для них релевантен как мелодический, так и динамический компонент [Haugen 1967; Lieberman 1982, 11-12].

нение гласного или согласного, изменение интенсивности и высоты. Примечательно, что датские лингвисты XVIII-XIX вв. Йенс Педерсен Хойсгор и Кристен Йенсен Люнбю выделяли в датском языке не два, а четыре - пять тонов, понимая под “тонами” различные виды слогового базиса [Vjerrum 1942, 217; Кузьменко 1991, 122]².

В островных западноскандинавских диалектах (Исландия, Фарёры) в настоящее время акцентных различий нет.³ Как правило, отсутствие в этой зоне словесных акцентов объясняется экстралингвистическими причинами – тенденцией к утрате избыточных просодических признаков на территории колоний [Кузьменко 1991, 146]. То же объяснение предлагается для восточношведских говоров Финляндии и Эстонии.

С другой стороны, в ряде континентальных говоров с архаичной сегментной просодикой, сохраняющих старые краткосложные слова, последние характеризуются особой просодией, называемой “равновесным акцентом” (шв. *jamnvihtaccent*)⁴. Равновесный акцент отмечается как в диалектах, где есть противопоставление акцент 1 ~ акцент 2 (Гудбрандсдален в Норвегии, Даларна, Нормалинг, Эртреск, Дегерфорс в Швеции), так и в диалектах, где акцентов шведско-норвежского типа нет (Верхний Каликс). В тех же областях исконно долгосложные слова (CVCCV, CV:CV) нередко апокопируются и приобретают двухвершинный акцент, известный как “скандинавский циркумфлекс”: *kasta* > *k>st*, но *p4se* > *p^{DD}Dahlstedt*, *Cgren* 1980, 238, 240]⁵. Вместе с тем, географическая база циркумфлекса шире, нежели база равновесного акцента, так как апокопа в исконных долгосложных словах характерна также для говоров, где произошло удлинение краткосложных слов типа CVCV, в частности – для многих говоров Вермланда, Трёнелага, Северной Норвегии, гутнийского диалекта Форё.

Проблематичность просодической реконструкции проявилась уже в трудах пионера скандинавской акцентологии Акселя Кокка (1851-1935). В первой своей работе Кокк связывал распределение акцентов с числом слогов в эпоху, непосредственно предшествующую распространению суффигованного артикля и развитию вставных гласных перед сонорными (т.е. с X-XII вв.). Отталкиваясь от минимальных пар типа норв. 'lusen сущ. “вошь” < *ld* + *inn* “вошь та”: 'lusen прил. “паршивый, убогий” < *ldinn*, шв. 'aksel “плечо” < *axl, `xl : `aksel “ось” < *axull, Кокк интерпретировал немаркированную просодию (Акцент 1) как “односложный акцент”, а маркированную просодию (Акцент 2) как акцент исконных двусложных слов [Kock 1878, 43]. Впоследствии Кокк под влиянием критики К. Вернера изменил датировку и связал дистрибуцию швед-

² Не менее характерно, что структуралистски ориентированные датские ученые XX в. склонны критиковать классификацию своих предшественников как неэкономную и заменять её своим вариантом бинарной схемы, ср. [EjskjFr 1954, 15].

³ Попытки обнаружить тоны в современных исландских и фарёрских диалектах критически обсуждаются в работе [Либерман 1971, 35-38].

⁴ Фонологическая природа равновесного акцента является предметом спора. Э. Гординг трактует его как словесную просодию, С.Д. Кацнельсон – как слоговую, Ю.К. Кузьменко – как морную, а А.С. Либерман считает равновесный акцент проявлением фразового, а не словесного ударения, определяя краткосложные слова в современных скандинавских говорах как “фонологически безударные”.

⁵ Манифестацией шведско-норвежского циркумфлекса обычно является удлинение гласного, реже – согласного [Lieberman 1982, 159].

ских и норвежских акцентов уже с условиями редукции безударных гласных в эпоху синкопы и умлаута (VII-IX вв.) [Kock 1885, Kock 1886, Kock 1889]. Введенные им правила объясняли, однако, лишь часть слов с Акцентом 1, но не Акцент 2, поэтому в поздней работе Кокк сопоставил Акцент 2 с греческим циркумфлексом и признал его реликтом индоевропейской акцентуации [Kock 1901].

Правила выбора акцентов, постулированные Кокком для эпохи синкопы, допускали много исключений [Kroman 1947, 141-145; Oftedal 1952, 208-210; Liberman 1982, 211-212], и скандинавская наука вернулась к ранней версии его теории. Наиболее четко её выразил М. Офтедаль, который отверг позднейшие объяснения Кокка и предложил считать возникновение *обоих* словесных акцентов шведско-норвежского типа реакцией фонологической системы на массовое появление новых двусложных слов вследствие развития суффицированного артикля [Oftedal 1952]. Гипотеза Офтедаля удачно объясняет отсутствие акцентов в других германских языках, где постпозитивный артикль не развился. Новые двусложные слова ("*) появлялись и в древних западногерманских языках, ср. дрангл. fuZol <*fugl, но словесные акценты возникли только в скандинавском ареале, где второй слог "*" - слов регулярно соответствует морфеме артикля [Кузьменко 1991, 145]. Работа Офтедаля знаменовала собой сдвиг лингвистической моды: после неё приверженцы глубокой реконструкции сосредоточили свои усилия на просодиях, зависящих не от счета слогов, но от слогового базиса [Кацнельсон 1966; Либерман 1971; Николаев 1993].

Несмотря на простоту, “морфонологическая” гипотеза Офтедаля оставляет известное неудовлетворение, так как непосредственно она объясняет лишь оппозицию двух словесных акцентов. Поэтому стремление отнести становление всех просодических систем к одной и той же эпохе на практике приводит к тому, что все остальные системы объявляются вторичными по отношению к шведско-норвежской акцентуации. Так, утверждают, что датский толчок представляет собой вырожденный (“глоттализированный”) Акцент 1 [Naugen 1984, 355, 358], хотя имеется примерно столько же фонетических оснований постулировать изменение в обратном направлении – переход гортанной смычки или гортанного сжатия в тон. Отсутствие акцентных различий в исландском и фарёрском языках Скандинавии оценивается как их *утрата* (см. выше), хотя точное время появления словесных акцентов в континентальных говорах неизвестно, и нет доказательств, что они вообще сложились к XII- XIV вв.

С другой стороны, ученые, разрабатывающие “этимологическую” гипотезу, предпочитают рассматривать скандинавскую акцентуацию в перспективе еще более отдаленного праязыка. При этом реконструкция строится на отборе фактов, объявляемых реликтовыми. Так, наличие в разных германских языках чередований в слогах с гласными верхнего подъема служит для С.Д. Кацнельсона достаточным основанием для реконструкции общегерманских слоговых акцентов на данном базисе [Кацнельсон 1966, 200]. Однако варьирование на базисе можно с равным успехом рассматривать и как “реликт” и как “инновацию”, пока не объяснено, почему оно сохранилось именно в данном диалекте, если, как намекает термин “реликт”, оно больше не согласуется с его сегментной или супraseгментной просодикой. Напротив, С.Л. Николаева скандинавский фон интересует мало, поскольку он исходит из презумпции, что принципы расстановки толчка в датской норме прямо отражают место ударения в обще-

германскую эпоху⁶. С этой целью он на основе двух синхронных срезов датской орфоэпической нормы и глосс диалекта острова Рёмё (где толчок в настоящее время вообще отсутствует) восстанавливает “идеальную” систему с толчком [Николаев 1993, 84]. Даже если подобные гипотезы верны, они остаются бездоказательными до тех пор, пока акцентуация отдельных слов рассматривается как историческая данность, без учета синхронного варьирования на всех промежуточных этапах эволюции⁷.

Обозначившиеся трудности побуждают внимательней отнестись к исходным предположениям, лежащим в основе обеих гипотез. Одно из них - тезис о бинарной природе скандинавских просодий – носит в основном априорный характер; второе – тезис о единстве древнескандинавского языка в эпоху, когда происходило становление постпозитивного артикля – преимущественно эмпирический.

Последовательно бинарный характер оппозиция акцент 1 ~ акцент 2 имеет в шведском и норвежском языках, где она охватывает все многосложные слова. Эта особенность данных языков тесно связана с просодической унификацией корневой морфемы: допускаются лишь корни вида *ga:d*, либо *g|dd /g|nd*, но не **g|d*, **ga:dd*⁸. Поскольку все корни имеют стандартную длину, для просодической оппозиции требуется более одного слога; акцентная маркировка задается не столько начальной, сколько финальной частью словоформы: если второй слог трактуется как морфологически отделяемый, избирается акцент 1, если избирается акцент 2, двусложный комплекс трактуется как морфологически неразложимое целое.⁹ Естественным прототипом данной модели служит чередо-

⁶ “...Видимо, *stɪrd* - один из частных рефлексов бинарного противопоставления двух классов словоформ, вторично совпавших в большинстве шведских и норвежских систем в классе словоформ с I скандинавским акцентом” [Николаев, ук.соч., 76]; “датские имена 1-го класса (т.е. с толчком на гласном -А.Ц.) происходят из прагерманских барионированных форм, имена 2-го класса – из окситонированных форм” [там же, 84].

⁷ Мы намеренно не касаемся вопроса об акцентуации конкретных лексем или морфологических разрядов, реконструируемых для скандинавского праязыка, поскольку это должно быть темой отдельной работы.

⁸ В шведском и норвежском языках данное ограничение является корневым, а не слоговым, поскольку последовательность *V:C₁C₂* допускается во внутреннем сандхи, т.е. там, где между первым и вторым согласным проходит морфемная граница, ср. норв. /r i: kt/ – ср. р. от *rik* “богатый” /ri:k/. С другой стороны, для новоисландского языка сверхдолгие слоги типа /r i: kt/ нехарактерны (старые долгие гласные в основном превратились здесь в фонетически краткие дифтонгоиды), зато в сочетаниях шумный + сонорный долгий монофтонг (результат удлинения исконного краткого) оказывается возможен /ve:-kja/, [li:-tʁi /, что свидетельствует о том, слоговая граница проходит здесь после гласного. Данная корреляция определяется как “слоговая изохрония”, в отличие от *корневой* изохронии, свойственной шведскому и норвежскому языкам [Кузьменко 1991, 35]. И в том, и в другом случае изохрония более последовательно проводится в словах с геминатой типа *gadd*, которые не коррелируют со словами типа **ga:dd*, нежели в словах с сочетанием согласных типа *gand*, которые реально могут получать варианты типа *ga: nd*, ср. приводимые А. Торпом примеры из норвежских диалектов /ro:-skə/ “пасха” / fa:-stə/ inf “поститься”, где оба согласных принадлежат к корню [Торп 1982, 38-39].

⁹ Давно было замечено, что тот же принцип распространяется и на просодические базы больше слова – композиты и словосочетания: и здесь акцент 1 является признаком

вание одно- и двухсложных словоформ в парадигме существительного, ср. швед. *liv* “жизнь”, *livet* – определенная форма. Как клитика-агглютинат ведет себя также окончание презенса *-er*¹⁰ – ср. швед. *sitter* “сидит” < **sitr*, но *sitta* “сидеть”. По тому же морфонологическому типу оформляются другие слова с эпентезой перед сонорным (швед. *akter* “корма”, ср. минимальную пару *akter* “акты”, мн. ч.), а также слова с зиянием гласных.

Напротив, в говорах с сохранением краткосложных слов оппозиция акцент 1 - акцент 2 зависит от слогового базиса < неапокопированные двусложные слова с долгим корнем >. Если ситуация в шведской и норвежской нормах составляет исследователю возможность приписать акцентогенные свойства как корням, так и суффиксам¹¹, то просодии в системах с равновесным акцентом и циркумфлексом уместно интерпретировать именно как корневые вершинные акценты, тем более что основной базой циркумфлекса служат односложные слова, подвергшиеся апокопе: *kasta* > *k>st inf* “бросать”. Признавая данный факт, А.С.Либерман и Ю.К.Кузьменко отказываются считать специфические для моросчитающих говоров просодии – равновесный акцент краткосложных слов, циркумфлекс в апокопированных долгосложных словах – явлениями того же уровня, нежели акценты 1-2: слова с равновесным акцентом квалифицируются А.С.Либерманом как “фонологически безударные” [Liberman 1982, 186], а циркумфлекс объявляется избыточным признаком апокопы [Liberman 1982, 168], либо позиционным вариантом акцента 2 в односложных словах [Кузьменко 1991, 24; ср. Gidding 1978, 9]. Представляется, что тем самым вопрос о непересекающейся классификации акцентных контуров подменяется вопросом о природе словесного ударения: как известно, в нормальном случае в моросчитающих диалектах одно слово имеет ровно одну просодию из вышеназванных.

В то же время колебания в трактовке корневых акцентов реально обусловлены неустойчивостью самого объекта описания – корреляции моросчитания – в шведских и норвежских диалектах XIX- XX вв., что на синхронном уровне проявляется в закреплении вариантных форм за разными фразовыми позициями. Так, в некоторых диалектах слова CVCV сохраняются только в составе композитов ср. /*pa:p:er p4s* / “бумажный мешок” но /*po: sa* / “мешок” в шведском говоре Лулео [Dahlstedt, Cgren 1980, 234]; в говорах с факультативной апокопой одно и то же слово порой выступает то в двусложном, то в односложном вариантах *kasta* ~ *k>st* [Кузьменко 1991, 23]. Подобные системы можно отнести к промежуточным; в еще большей степени это относится к консервативным региональным вариантам литературных норм – к восточно-норвежской разновидности риксмолы (где у небольшого числа слов сохранились краткосложные варианты ср. /*fɔŋɔ/* ~ /*fɔ: ŋɔ/* “сосна” [Flydal 1971, 67]) и к финляндскому варианту шведского языка (где есть краткосложные слова, но нет словесных акцентов) [Reuter 1982].

компонентной членимости комплекса, в то время как акцент 2 выполняет коннективную функцию; ср. [Liberman 1982, 14-16].

¹⁰ В то же время презентные словоформы шведских глаголов на *-ag* имеют акцент 2, что объясняется особенностями морфотактики: в двусложных формах глаголов 1-го спряжения граница корня проводится по гласному *!tala* “говорить” : *!tala-r*, а в аналогичных формах глаголов второго спряжения – по согласному *sitta* “сидеть” : *sitt-er* “сидит”.

¹¹ Данная альтернатива обсуждается в работе [Кузьменко 1991, 44-45].

Исконные слова структуры CVCV характеризуются в шведских и норвежских говорах гармонией гласных либо полным сингармонизмом (метафонией). Поскольку метафония в словах CVCV и балансная апокопа в долгосложных словах засвидетельствованы в большинстве центральноскандинавских говоров¹² [Naugen 1984, 331; Torp 1982, 44-48; Papazjan, Helleland 1981, 18], есть основания полагать, что краткосложность на всей этой территории сохранялась дольше. Тем самым, вероятно, что система с бинарным противопоставлением двух акцентов возникла на основе более дробной системы, свойственной моросчитающим говорам, в результате ограничений, накладываемых на их сегментную (устранение кратких слогов) и супraseгментную просодику (единообразное развитие исконных кратких и исконно долгих слов).¹³

Термины “Акцент 1”, “Акцент 2” используются также исследователями ютских диалектов, но здесь они просто служат метафорой для “исконных односложных” (") и “исконных двусложных слов” (\$). Поскольку ни у одной из этих групп, как указывалось выше, нет общего просодического признака, отвлеченного от слогового базиса, разбиение лексики на два класса оказывается фикцией описания.¹⁴

Наиболее сложная система представлена в датской литературной норме. Противопоставление слог с толчком ~ слог без толчка охватывает как односложные, так и двусложные слова; толчок допускается при наличии долгого сонорного базиса, т.е. там, где есть долгий гласный или /и/ звонкий согласный. В двусложных словах оппозиция толчок: нетолчок встроена в четырехчленную корреляцию слогового примыкания CV'-CV(C) ~ CV: - CV(C) ~ CVC-V(C)~ CVC'-V(C). Толчок на гласном служит сигналом сверхсвободного примыкания согласного к гласному /fi' b· / fiber “лихорадка”, толчок на согласном – сигналом сверхплотного /fen'· / finder pres. “находит”; два промежуточных состояния – слог с долгим гласным без толчка, ср. /fi: n ə/ fine pl. “изящные”) и краткий слог без толчка / fen ə / finde inf. “находить” могут быть охарактеризованы как свободное и плотное примыкание соответственно [Кузьменко 1991, 78].

Сандхиальную функцию толчка в двусложных словах следует признать его главной функцией не только потому, что в двусложных словах толчок несет наибольшую смысловозначительную нагрузку, но еще и потому, что долготы и толчок оказываются здесь релевантными признаками одного уровня. Нежелание признать данный факт поддерживается лишь стремлением вместить словесную просодику датского языка в прокрустово ложе бинарной схемы и априорными концепциями толчка как слогового акцента [Кацнельсон 1966, 119], либо показателя моросчитания [Трубецкой 1960, 242; Liberman 1982, 56]. Оправдать подобную трактовку можно, лишь а) признав долготу избыточным признаком толчка и б) объявив место толчка в слогe нерелевантным. Оба допущения серь-

¹² Ср. карты в кн. [Naugen 1984, 329; Papazjan, Helleland 1981, 18, 28].

¹³ Последнее обстоятельство побуждает предположить, что слоговое равновесие раньше установилось в диалектах без метафонии, т.е. на западе Норвегии, в южной, западной и центральной Швеции.

¹⁴ За рамками нашего обзора остались датские диалекты островов Эрë и Лангеланн и диалекты восточного Шлезвига, где просодические различия носят преимущественно тональный характер [Ejskjær 1990].

езно противоречат материалу, ср. а) /ma:’ler/ “рисует” ~ /ma:ler/ “художник”; б) mil /mi’l/ “миля” ~ mild /mil’/ “щедрый”.¹⁵

В односложных словах толчок не имеет явной морфонологической функции, если не принимать в расчет того, что многие односложные словоформы в словоизменительных парадигмах коррелируют с двусложными, ср. /hu’s/ “дом” ~ /hu’-səʒ- опр. форма того же слова. Если в двусложных словах оппозиция толчок ~ нетолчок регулярно противопоставляет разные деривационные формы одного корня – например, глагольный презенс vs имя деятеля /ma:’l v/ “рисует” ~ /ma:lə/ “художник”, или презенс vs множ. число существительного /ha:’ lə/ “тянет” ~ /ha:lə/ “хвосты”, то в односложных словах минимальные пары возникают на основе омонимичных словоформ /h **F**s/ “хриплый” ~ /h**F**: s/ “скирда”. При этом разные слова с общей финалью могут иметь разное произношение: ср. uld /ul’/ “шерсть” но guld /gul/ “золото”).

Бивалентность ауслота служит отправным пунктом реконструкции С.Л. Николаева, который отмечает, что в конце XIX в. “на два класса” распалось большинство слов с исходом сонорный + шумный, ср. stilk “черенок” без толчка, но tol’k “толмач” с толчком¹⁶. По его мнению, бинарное распределение является реликтом праязыка, где состав классов был обусловлен этимологически, в то время как современный датский язык стремится унифицировать просодию слов с одинаковым ауслотом stiLK ~ toL’K > stiL’K, toL’K [Николаев 1993, 76-78]. С.Л. Николаев уловил важный сдвиг в дистрибуции датского толчка, однако варьирование на толчковом базисе можно объяснять не только этимологическими, но и функциональными причинами. Чтобы показать это, обратимся к первому фонетическому описанию датского языка – транскрипциям словаря Маттиаса Мота (записи 1680-1700 гг.)¹⁷. Наряду с более ранними данными, сообщаемыми датскими грамматистами Х. Гернером, Э. Понтопидданом, Л. Коком, П. Сювом, словарь Мота дает достаточно полное представление об узусе второй половины XVII в.

В современной орфоэпической норме просодический вид корня зависит от его окружения, ср. gul# / gu’ l / “желтый” ~ gul-t / gult / ср. р., ср. мн. ч. ~ gulle / gu:l ə /. Данный принцип можно назвать *синтагматическим*, поскольку признаки [± долгота] и [± толчок] присваиваются не лексеме, но каждой словоформе отдельно. В эпоху Мота морфема обычно имела единую акцентную маркировку в формах словоизменения и словообразования: **fld** “толстый” (т.е. / fe:’d /) ~ **ldt** ср. р., **vT** “широкий” ~ **vTt** ср. р., **flB** “плоский” ~ **flBt** ср. р., **sfg** “больной” ~ **sfg-dom** “болезнь”, **lis** “свет” ~ **lis-ne** “светать”, [Skautrup II 1968,

¹⁵ Иногда тезис о лабильности толчка аргументируют тем, что в отдельных случаях его место в слоге колеблется – ср. варианты / blr’x/, /blrx’/ “мягкий”, и что многие слова, имеющие в литературной норме толчок на гласном, в датских диалектах имеют толчок на согласном. Этот аргумент является мнимым; перенос толчка с гласного на согласный свидетельствует не о равноправии вариантов, а напротив, о тенденции к устранению слов с базисом V’C и к увеличению числа слов, у которых слоговая граница совпадает с морфемной.

¹⁶ В настоящее время толчок имеют обе формы [Molb**Fk** Hansen 1990: 627, 670].

¹⁷ В односложных словах нотация Мота ясно показывает наличие либо отсутствие толчка, в двусложных словах она не везде однозначна [Skautrup II 1968, 334].

338].¹⁸ Такую систему естественно назвать *парадигматической*. В современном языке слова, попадающие в позицию 1-го компонента сложного слова, теряют толчок и/или долготу /va:’l/ hval “кит” ~ /va:l ’ba:də/ hvalbarde “китовый ус”; То же касается префиксальных образований: fra /fra:’ / “от” ~ fravFre /fra’vF:ə/ “отсутствовать”. В норме Мота не атонировались ни те, ни другие: g^hdhjertet “добродушный” (/go:’**ж** “добрый”), fdgrave (/u:’**ж** “из”) “выкопать”.

Словарь Мота справедливо привлек внимание историков языка, поскольку его транскрипции позволяют проследить комбинаторные изменения предшествующего периода. Однако не менее значим функциональный аспект, связанный с синхронным варьированием по долготе/краткости в эпоху составления словаря. Анализ показывает, что к концу XVII в. противопоставление V:’C ~ VC охватывало в говоре Копенгагена *все* односложные слова структуры CVC и CVC₁C₂¹⁹, т.е. любой ауслат, в том числе с группой глухой + глухой был бивалентен и допускал чередования типа kuSK ~ b^jSK, liS ~ k^т. Дистанция в 30- 50 лет, отделяющая Мота от его предшественников Сюва и Кокка, позволяет установить и способ существования копенгагенской нормы. Так, в словах CVC с исходом на -**р** (* **ж**, t) в древнедатский период допускались как долгие, так и краткие гласные. Система Мота сохраняет часть исконно долгосложных и краткосложных слов, в то время как другая часть подвергается удлинению, либо сокращению. Тем самым, в диахронической перспективе выделяется 4 группы: 1) ~ = const; spⁱd sb “копье”, h^jd sb “кожа”; 2) | = const; biS sb “укус”, buS sb “палатка”, skuS sb “выстрел”; 3) | > ~; flad adj “плоский”, lad adj “ленивый”, gud “бог” > fl^в, l^в, g^jd²⁰; 4) ~ > |; bl^{ed} = /blr:’**ж** adj “мягкий”, r^{ed} / rr:’**ж** adj “красный” > bl^d, r^d. В парадигматической системе бивалентными были даже ауслаты заимствованных слов – ср. skilling “грош” /sgil-/ , brille “очки”, но b^тig “дешевый”.

Отнесение слова к тому или иному просодическому классу могло быть вызвано сколь угодно случайными причинами, однако процессы спонтанного сокращения и удлинения гласных говорят о том, что долгота и краткость гласного регулярно оказывались просодическими вариантами. Чередования типа fiS ~ k^т (разные слова с общей финалью) соседствуют с дублетными формами типа k^т ~ kiS, которые Мот и его предшественники нередко санкционируют в норме; варьирование могло быть обусловлено как позицией во фразе, так и экстралингвистическими факторами²¹. В целом, просодические классы сопостави-

¹⁸ Перед показателем претерита -t уже частично произошло сокращение гласного: sk^вe inf “творить”, но skabte pret. “творил”.

¹⁹ В датском, как и в других германских языках с корреляцией контакта (английский, немецкий, нидерландский, фризский) долгих согласных внутри морфемы нет, поэтому становление современной сегментной просодики датского языка следует связывать с сокращением скандинавских геминат, т.е. с XIV-XV вв.

²⁰ Сокращение и удлинение гласного в копенгагенской норме XVII в. непосредственно устанавливается сопоставлением записей Мота с транскрипциями его предшественников Понтопиддана, Сюва и Кока.

²¹ Конкурирующие варианты могли быть связаны с разными стилями или социолектами: /sgi:’v / ~ /sgiu’/ дат. skip “корабль”, /ble:’γ / ~ /blej’/ дат. bleg “бледный” — форма со спирантом была книжной, форма с дифтонгом — разговорной. Кроме того, дублетные формы нередко имели разную диалектную основу; так, сокращение гласного перед сонорным h^л “пятка”, p^л “жилье” > hel, pel в идиолекте самого Мота является северо-зеландской чертой; городской говор Копенгагена сохраняет долгую форму (со-

мы по объему, хотя на некоторых ауслуах один из вариантов представлен остаточными формами – так, долгота перед конечным *m* засвидетельствована к 1700 г. лишь в слове **lm** /e:’m/ “пар”²²

Основной принцип парадигматической системы проявляется в том, что просодика морфемы нельзя предсказать, исходя из финали слога, поскольку противопоставление долготы/краткости распространяется на все односложные слова без исключения. Вместе с тем, в словаре Мота кое-где уже видны контуры современной нормы. Особенно характерны в этом плане слова с исходом на смычный *b, d, g* < *bb, *dd, *gg. В односложных формах долгота перед *b, d, g* допускается – **Ig** /F:’ g/ “яйцо”, **skIg** “борода”, в двусложных формах – нет: **egge** /Fgə/ или /Fγə/ pl “яйца”; сходный эффект вызывает добавление претеритально-го суффикса *-t* к глагольным основам с исходом на *b, d, g* < *p, *t, *k: **gVe** /ga:bə/ inf “звать” но **gab-te pret** /gabdə/.

Сегментная просодика копенгагенской нормы XVII в. в известной мере служит зеркальной проекцией шведско-норвежской: первая предполагает потенциальное равноправие долгосложного и краткосложного вариантов корня, а вторая строится на устранении кратких слогов и унификации долгосложных вариантов морфем. Именно на этом этапе датская просодика в наибольшей степени соответствует формуле *долгота + толчок vs краткость без толчка*. По мере того, как просодические варианты устраняются, увеличивается доля слов с толчком на согласном и устанавливается зависимость толчка от исхода слова, распределение просодий все более отдаляется от бинарной схемы.

Существует мнение, что дистрибуция толчка соответствует распределению шведско-норвежских акцентов еще в одной сфере – акцентуации композитов и словосочетаний. Так, комментируя появление толчка в глагольных формах с приставками *be, for* – ср. /be **sr**’ge / inf (но /**sr**:ge/ без толчка), А.С. Либберман пишет: “мена тона остается единственным звеном, связывающим просодемы шведско-норвежского типа с идеальным толчком” [Lieberman 1982, 68; ср. Кацнельсон 1966, 41-42]. Однако чередования типа /ondrə/ undre ~ /be¹on’drə/ beundre, /**sr**:ə/ ~ /be¹**sr**’ ə/ отражают механизм фразового, а не словесного ударения: появление толчка при присоединении проклитики является частным случаем правила, по которому толчок обозначает вершину группы, состоящей из слабоударных слогов²³. В говорах зеландско-североютского типа, на которые в данном случае опирается норма, толчок может появляться и в сложных существительных /kanə/ kande ~ /van¹kan’ə/ vandkande, и даже в цепочках, целиком со-

временные /h**F**l/, /p**F**l /). Для отдельных групп лексики возможны и более специальные объяснения: так, ласкательные слова в эпоху Мота нередко характеризовались экспрессивным удлинением: **nfs** “малыш”, **gids** “поросё”, **kT, mT** “киса”; напротив, слова низкой социальной сферы имели тенденцию к сокращению, ср. **tjene** ~ **tjenne** /tjenə/ “прислуживать”, **svend** /sven/ - “слуга”, тж. “парень”, “простак”.

²² В современной норме толчок уже переместился на согласный: /em’/.

²³ Тот же эффект часто вызывает присоединение энклитики. Феномен “пробуждения” толчка при добавлении суффицированного артикля характерен для ряда односложных существительных, имеющих в датской норме толчок только в определенной форме, ср. /h**D** hul “яма” но /h**D**əx hullet. Вместе с тем, отсутствие толчка в односложных формах некоторых из этих слов (**guld**, “золото”, **sriv** “серебро”, **hrr** “лён”), скорее всего, является вторичным и может объясняться тем, что данные слова часто выступали в роли начальных компонентов сложных слов и легко атонировались.

стоящих из служебных слов – *det* /de/ “это, то” *var* /va/ “был”, но /dew’a/ *det var* [Nielsen, Pedersen 1990; 24, 43, 62]. Тем самым, в типологическом плане уместно говорить не о том, что комплексы слогов типа % ~ x %х уподобляются префиксальным глаголам, но, напротив, о том, что правила оформления тактовой группы распространяются в датском языке на сложные слова: в цельнооформленной единице может быть не более одного слога с толчком²⁴. При этом конституирующая функция фразового ударения связана с “идеальным толчком” в той мере, в которой толчок оказывается маркированной просодией. В говорах Южной Зеландии и о-вов Мён, Лоланд, Фальстер, где толчок отсутствует, данная функция ассоциирована с просодической долготой: ср. в говоре Мёна /tF/ til, “на”, но /tFʰ/ til det “на это” [DD 1973, 62].

Таким образом, просодические оппозиции, сложившиеся в письменный период истории скандинавских языков, едва ли свидетельствуют о наличии в языке бинарного противопоставления “интонационных контуров” (М. Офтедаль) или “акцентных классов словоформ” (С.Л. Николаев). В политональных моросчитающих диалектах Швеции и Норвегии и в большинстве ютских диалектов нет супrasegmentных признаков, оторванных от слогового базиса. Факторы, порождающие такие признаки, есть в шведско-норвежской и в датской литературных нормах, однако в обоих случаях они обусловлены ограничениями на структуру слога, сложившимися в период становления данных литературных языков (XVI-XVII вв.) и не могут быть проецированы в более раннюю эпоху.

Развитие новых двусложных слов чаще всего признают главным рубежом в развитии скандинавской просодики. Мнение об однородности праскандинавского языка в этот период основано на том, что новые двусложные словоформы с артиклем-энклитикой засвидетельствованы по всей Скандинавии. Однако этот аргумент можно обратить против исходной посылки, поскольку морфологические и морфонологические функции артикля в разных диалектах оказываются несходными. На востоке Скандинавии развитие постпозитивного артикля происходит на фоне разрушения падежной системы, которое начинается с устранения дат. п. В городских говорах XIV-XVI вв., послуживших основой кодифицированных языков нового времени, суффицированный артикль превращается в неизменяемый агглютинативный формант, обозначающий род существительного в рамках двухродовой системы: общий vs средний род. В островных скандинавских языках, а также в шведских говорах Даларны четырехпадежная система стабильна²⁵: артикль склоняется здесь по всем падежам и фактически выступает как вторая флексия, снимающая омонимию падежных форм “неопределенной серии”²⁶.

Систему со сквозным склонением артикля обычно реконструируют и для восточноскандинавских диалектов. Однако более вероятно, что редукция падежной системы в древнедатском и древнешведском языках произошла еще до того, как постпозитивный артикль окончательно превратился из клитики в мор-

²⁴ Отдельные отклонения от данного правила в литературном датском языке обсуждаются в работе [Basbøll 1995].

²⁵ В фарёрском языке в настоящее время родительный падеж неупотребителен [Toop 1982, 127].

²⁶ Так, в исландском языке в слабом склонении различаются лишь 2 формы: им.п. *saga* “сага” – косв. п. *s`gu*; ср. с артиклем: им. п. *saga-n*, вин. п. *s`gu -na*, дат. п. *s`gu-nni*, род.п. *s`gu-nnar*.

фему; об этом говорят как быстрое устранение дат. п.²⁷, в так и низкая частота употребления словоформ с суффижированным артиклем в памятниках XIII-XV вв. [Skautrup I 1968, 250]. Это обстоятельство дает повод отнести формирование словесных акцентов к периоду распада скандинавского языка. Карта показывает, что словесные акценты характерны для диалектов, где в парадигме существительного противопоставляются односложные и двусложные словоформы типа швед. *hest* "конь" ~ *hest-en*. В островных диалектах в парадигме существительного чередуются полисиллабы, ср. исл. им. п. *hestur* "конь", *hdi* "дом" ~ им. опр. *hesturinn*, *hdix* ~ дат. опр. *hest-inum*, *hdi-inu*.²⁸

Особого комментария требует отсутствие постпозитивного артикля на большей части Ютландии, где вместо него используется свободный препозитивный артикль *a*, *ə* <* *zat*. Давно высказывалось мнение, что это состояние является для ютских говоров исконным и закономерно отражает их контакты с пограничными западногерманскими языками [Skautrup I 1968, 138-139, 324]. Нежелание скандинавских лингвистов принять данное объяснение обусловлено тем, что они не готовы допустить крупные различия внутри датского ареала, восходящие к дописьменной эпохе. Памятники языка не дают решающих аргументов в пользу какой-либо из точек зрения, поскольку древнедатская письменная традиция носила смешанный характер и ориентировалась на зеландско-сконские говоры [Skautrup I 1968, 259-260]. Независимо от того, являются ли спорные формы род. п. с двойным склонением артикля – ср. *land-s-ens* "земли", *by-s-ens* "города" в "Городском праве Фленсбурга" XIII в. собственно ютскими или нет, победа системы со свободностоящим артиклем свидетельствует о том, что функциональная нагрузка форм с постпозитивным артиклем была невелика и что в ютских диалектах не нашлось факторов, тормозивших апокопу конечных слогов – в отличие от датской нормы, где таким фактором служила членность слова на корень и аффикс.

Таким образом, есть основания полагать, что на периферии Скандинавии по разным причинам не сложилось противопоставления по числу слогов – в исландском и фарёрском языках в большинстве позиций представлены многосложные словоформы, а в диалектах Ютландии рано произошла тотальная апокопа, сделавшая критическую массу знаменательных слов односложными. По-

²⁷ В древнейшем датском кодексе – рукописи "Сконского Права", датируемой 1300 г., представлены лишь рудименты дательного падежа. В шведских памятниках дат. и вин. п. местоимений и существительных хорошо различаются лишь в древнейшем фрагменте "Вестьётского Права" (записан около 1225 г., рукопись середины XIII вв.).

²⁸ В ряде континентальных скандинавских диалектах, сохранивших трехродовую систему, представлено состояние, которое можно считать промежуточным между шведской и исландской системами. В данных диалектах дат. п. сохранился только в определенной форме; словоформы дат. п. содержат то же число слогов, что и им-вин. п. с определенным артиклем. Здесь можно выделить более консервативную группу говоров, где дат. п. сохраняет свои исконные окончания (иногда для всех трёх родов разные), и группу с "совмещенным" дат. п., где флексия дат. п. омонимична флексии множ. ч. В последнем случае словоформы дат. п. и множ. ч. образуют минимальные пары, которые различаются акцентами, ср. в говорах Уппланна *Dat Sg* *bDD* "лодке" с акцентом 1, но *Pl* *bDD* "лодки" с акцентом 2 [Helleland, Papazjan 1982, 28, 43]. Данные примеры служат хорошей иллюстрацией того, как просодика реагирует на изменения грамматического строя.

этому не следует исключать возможность того, что в этих областях никогда не было и мелодических различий шведско-норвежского типа.

Наиболее тёмным моментом остается возникновение датского толчка. Вторичность систем с толчком по сравнению с словесными акцентами Ю.К. Кузьменко обосновывает тем, что фонологически релевантный толчок обнаруживается лишь в диалектах с корреляцией слогового примыкания, где общескандинавские геминаты подверглись сокращению [Кузьменко 1992, 205]. Однако эта справедливая констатация не доказывает, что в самом датском языке когда-либо существовало противопоставление словесных акцентов. К тому же если вслед за Ю.К. Кузьменко принять тезис о том, что сегментная просодика детерминирует супrasegmentную, можно усомниться в том, что в древнедатском языке были устранены слова типа CVC и CVCV – просодические колебания в эпоху Мота скорее говорят о сохранении исконно краткосложных вариантов²⁹.

Датская норма уникальна на фоне территориальных диалектов тем, что она поддерживает противопоставление долгих и кратких гласных фонем в словах со сходным сегментным составом. Напротив, ютские и зеландские диалекты пошли по пути устранения самих слоговых базисов³⁰. Так, существует сильная тенденция к преобразованию слогов с исходом долгий гласный + смычный: во многих диалектах Ютландии корни данного типа представлены исключительно в заимствованиях – ср. /sga'd/ “вид карточной игры” (лит. дат. skat), bet /be'd/ (лит. дат. bet), /kame'ka'd/ “товарищ” (лит. дат. kamerat), pD/pDd/ “часть” (лит. дат. part) [EjkskjFr 1954, 23; Liberman 1982, 84]³¹. Анализ всех изменений консонантизма и вокализма, ограничивающих набор допустимых типов слога (сокращение и удлинение долгих гласных, перебой смычных, орализация толчка и т.д.) не входит в задачи нашей статьи; отметим лишь ключевую черту датского вокализма – сохранение признака дифтонгичности. На большей части Дании исконно долгие гласные среднего подъема дали расширяющие дифтонги e > iə, r > uə, o > uo, ~ > D ue [Nielsen, Pedersen 1990, 82-83], в то время как старые долгие гласные верхнего подъема нередко реализуются в виде глайдов i > -, u > uu, u > uw [DD 1973, 42; Кузьменко 1991, 106-109]. Наконец, в течение всей истории датского языка новые сужающие дифтонги возникают за счет вокализации слогоконечных согласных, ср. дрдат. vFg “путь”, l`g “закон” > дат. vej /vai/, lov /lou/ [Skautrup 1968 I, 230-235; Кузьменко 1991, 214]. Во многих говорах Зеландии и северной Ютландии слова с дифтонгами разного происхождения сохраняют варианты с монофтонгами – рио ~ ри (лит. дат. pD [DD 1973, 63],

²⁹ Против реконструкции изохронического соотношения V:C ~ VCC в среднедатском языке говорит также сохранение сверхдолгих слогов: нотация Мота bte, mlt, Fgg показывает, что в предшествующий период гласный перед группой согласных не сокращался.

³⁰ К примеру, в восточноютском говоре Хоульбьерга, где велик процент односложных слов, устраняется долготы монофтонгов в двусложных словах типа /ty"э в/ trjrer /ty'y/ trir, где есть рессиллабация, при сохранении просодической долготы в односложных словах – /pi"v/ = лит. ribe Pl, /bDd/ = лит. bage [Jensen 1944, 16].

³¹ Интерес фонологов к данным глоссам вызван тем, что в ряде говоров они образуют минимальные пары к старым датским словам с западноютским толчком на кратком гласном /sga'd/, /pDd/, /be'd/ = лит. skatte “платить налоги”, potte pl “горшки”, bitte “немного”, т.е. создают редкий прецедент, когда общедатский толчок и кратковокалический ютский толчок оказываются в позиции противопоставления.

lD~**lDg** (лит. дат. lang) [Nielsen, Pedersen 1990, 63]; в одних случаях варианты связаны с разными социальными и возрастными слоями, в других – с разными фразовыми позициями, а кое-где – даже с разными граммемами, ср. в говоре Венельбу /su:l/ “солнце” ~ /sw**b**/ опр. форма того же слова [Nielsen, Pedersen 1990, 43].

Насколько можно судить по зеландским памятникам XIV-XVII вв., варианты с дифтонгами появились весьма рано (ср. хотя бы дублетные формы **lT** ~liv, duft ~dout, **sbve** ~sove в словаре Мота), однако их отсутствие либо ограниченное воспроизводство в городской норме Копенгагена объяснялось тем, что они во все времена воспринимались как просторечные и нелитературные³² [Skautrup 1968 I, 235; II, 336; Кузьменко 1991, 103].

Пожалуй, датская норма, как никакая другая просодическая система Скандинавии, заслуживает титула культурного артефакта³³: просодия почти любого слова утверждается путем отсева параллельно существовавших вариантов, т.е. в значительной мере случайно. Вместе с тем, направление выравнивания – восстановление долгих монофтонгов и поствокалических согласных – в целом соответствует принципу бивалентности базиса, противопоставлявшему долгие и краткие слоги с общим фонемным составом. Однако такое состояние, противоречащее тенденциям развития звукового строя датских диалектов, оказывается нестабильным. Выравнивание просодии по ауслуату повышает предсказуемость толчка в односложных словах, а ассимиляция нормой вариантов с дифтонгами ограничивает возможные комбинации V-C и знаменует собой дальнейшее понижение уровня членимости датского слова на фонемы.

Изучение функционального аспекта просодических противопоставлений в современных скандинавских языках и диалектах не может окончательно подтвердить “инновационную” либо “этимологической” гипотезу, но заставляет ограничить круг приемлемых генетических предположений.

На сегодняшний день инновационная модель выглядит предпочтительней. Разработка этимологической модели в основном обусловлена потребностями индоевропеистики и трудностями, с которыми сталкивается реконструкция двух акцентных классов словоформ на уровне скандинавского праязыка. При этом обе гипотезы имеют ряд общих недостатков, в частности, недооценку нормативного фактора в эволюции просодических систем.

Рассмотренный материал подводит к частичному пересмотру устоявшихся положений и побуждает высказать ряд тезисов, которые могли бы послужить программой для дальнейших исследований.

1) Ни одна из представленных в Скандинавии акцентных систем не может считаться реликтовой. Остается вероятным, хотя и недоказанным, что ста-

³² Враждебное отношение к дифтонгам отражено даже в датской графике, где возобладала традиция, идущая от филолога XVI в. Я. Мадсена Орхуса, – обозначать глайды дифтонгов значками для согласных j, v. Данный принцип Мадсен Орхус подкреплял тем, что подлинных дифтонгов в датском языке нет (sic!), поэтому обозначать глайды теми же буквами, что и краткие монофтонги, нельзя. Подобная аргументация, тем не менее, указывает не на отсутствие дифтонгов, но на борьбу за их устранение в норме. Характерно, что никому из шведских лингвистов XVI - XVII вв. не приходило в голову ополчаться против дифтонгов, поскольку шведская норма, в отличие в датской, действительно опирается на диалекты, где дифтонги отсутствуют.

³³ Данная метафора принадлежит Эйнару Хаугену, ср. [Haugen 1984, 454-455].

новление супrasegmentных противопоставлений является реакцией на развитие суффигового определенного артикля и упрощение морфологической структуры многосложных знаменательных слов в период распада скандинавской общности в XIII-XVI вв.

2) История скандинавских языков указывает на то, что в период до и непосредственно после появления суффигового артикля в скандинавских языках не было бинарного противопоставления “интонационных контуров” (М. Офтедаль) или “акцентных классов словоформ” (С.Л. Николаев). В политональных диалектах Швеции и Норвегии, сохраняющих краткосложные слова CVCV, и в большинстве диалектов Ютландии нет супrasegmentных признаков, оторванных от слогового базиса. Факторы, способствующие бинарному разбиению словоформ на два класса, появляются лишь в период закрепления шведской, норвежской и датской орфоэпических норм, в связи с ограничениями на состав и структуру слога, сложившимися в период становления данных литературных языков (XVI-XVIII вв.), и не должны проецироваться в более раннюю эпоху.

3) Датский и шведско-норвежский ареалы характеризуются разными тенденциями развития акцентных систем. Шведская и норвежская нормы опираются на говоры, где система с большим числом просодем сменилась оппозицией двух словесных акцентов. Напротив, бинарное противопоставление долготных и краткостных корней, прослеживающееся у истоков новодатской нормы (словарь Мота) замещается более сложной, четырехчленной, корреляцией слогового примыкания, где на первый план выходит сандхиальная функция датского толчка (*stɹd*) в двусложных словах.

4) формирование оппозиции акцент 1 ~ акцент 2 относится не к общескандинавской, а к диалектной эпохе. Закрепление данной оппозиции на большей части Скандинавии – результат длительного исторического развития, предполагающего закрепление суффигового артикля в парадигме существительного, устранение кратких корневых слогов и становление изохронического соотношения V:C ~VC: в слоге. Генерализация двух словесных акцентов, скорее всего, является следствием преобразования более дробной системы с большим количеством просодем, которая представлена в ряде моросчитающих говоров Швеции и Норвегии.

5) Господствующая практика объявлять оппозицию двух словесных акцентов источником всех просодических систем Скандинавии, строится на недоказуемой презумпции о единстве скандинавского праязыка в эпоху распространения суффигового артикля.

6) Датский толчок не является рефлексом словесных акцентов, однако не может считаться и реликтом праскандинавской просодики, так как он характеризует лишь диалекты с корреляцией контакта (устранение долгих согласных внутри морфемы), ограниченные датским ареалом. В начале новодатского периода толчок выступает в основном как маркер долготного корня (или как показатель свободного примыкания ауслатного согласного к гласному), в дальнейшем на первый план выходит сандхиальная функция толчка в двусложных словах.

Литература

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1979.

Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. М.-Л., 1966.

Кузьменко Ю.К. Факторы фонологической эволюции германских языков. Л., Наука, 1991.

Либерман А.С. Исландская Просодика. Л., 1971.

Николаев С.Л. Отражение германского ударения в датском // В.А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., Наука. 1993, с. 75-91.

Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о трёх периодах в скандинавском умлауте на -i. // Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. Л., 1960, с. 409-418.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

Basbøll H. Degrees of stress in Modern Danish // Aspects of Danish prosody. RASK, Vol. 3 1995, 21-47.

Bjerrum A. K.J.Lyngby's jyske Grammatik tillige med et Udvalg af hans Breve. Udg. af A.Bjerrum. København. 1942.

Dalstedt K.-H., Gren U. _vre Norrlands Bygdemål Skrifter utgivna av Johan Norrlander-Sällskapet. Umeå 1980.

DD - Danske dialekttexte. Udvalg for Folkemaals Publikationer, Ser E. N 2. København. 1973.

Flydal L. Nokre merknader om trykksterke kortstavingar i moderne austnorsk // Mål og namn, 1971.

Ejlskjær I. Brændum-målet. Lydsystemet i en Sallingdialekt // Udvalg for Folkemaals Publikationer. Ser. A., N 10. København, 1954.

Ejlskjær I. Stress and pitch accent in the Danish dialects // Acta Philologica Hafniensia. Vol. 22. (1990), 49-76.

Göding E. The Scandinavian Word Accents. Lund // Till. 1978, N 11.

Haugen E. On the rules of Norwegian tonality // Language 43 (1967), 185-202.

Haugen E. Die Skandinavischen Sprachen. Hamburg, Buske Verlag, 1984.

Hedblom F. Svenska Folkmåls Autentiska inspelningar ur Landsmålsarkivens Samlingar. Svenska grammofofonskapskapet Ab. Discofil. Stockholm, 1957.

Hesselman B. Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. 1-2 Uppsala, Stockholm, Oslo, København, 1952.

Jakobson R. Selected writings, I. Phonological studies. Mouton, s'Gravenhage, 1962.

Jensen E. Houlbjergmålet, I // Udvalg for Folkemaals Publikationer, Ser. A., N 6. København, 1944.

Kroman E. Musikalsk akcent i dansk. Med tillæg: Svenske indvandringer i Danmark i Oldtiden. København, 1947.

Kock A. Språkhistoriska undersökningar om svensk accent. T. 1 (1878), T. 2 (1884-1885), Lund.

Kock A. Kritiska anmärkningar om svensk aksentuering // Svenska Landsmålsarkivets Samlingar, 6,1. Stockholm, 1886.

Kock A. Bidrag till forndansk ljudlära // Arkiv för Nordisk Filologi, Bd. 5, 1889.

Kock A. Die alt- und neuschwedische Accentuierung, Strassburg, 1901.

Kock A. Svensk ljudhistoria. Del 1 (1906); Del 4 (1921). Lund, Leipzig.

Lieberman A.S. Germanic Accentology. I. The Scandinavian languages. Minneapolis, 1982.

Molbæk Hansen, P. Udtaleordbog. København, 1990.

Nielsen B.J., Pedersen K. M. Danske talesprog: dialekter, regionalsprog, sociolekter. København, Gyldendahl. 1990.

Oftedal M. On the origin of the Scandinavian tone distinction // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab, Bd 16, 1952.

Papazjan E. , Helleland B. Norsk Talemed NRK - Skoleradioen., 1981.

Reuter M. Om kvantitetsforskellen i helsingforskan // Svenska landsmåla 1982.

Skautrup P. Det danske sprogs Historie. København. Bd. I, 1968. Bd. II, 1968.

Torp, A. Norsk og nordisk for og nord Universitetsforlaget. Oslo- Bergen - Tromsø, 1982.